АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ

ЛИТЕРАТУРА ВЪ ИЗГНАНИИ

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ

ПРОЧИТАННАЯ

ВЪ МИЛАНСКОМЪ ФИЛОЛОГИЧЕСКОМЪ О-ВѢ

БѢЛГРАДЪ
Оттискъ газеты „Новое Время"
1929

РЗ реф. Ф.

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ

ЛИТЕРАТУРА ВЪ ИЗГНАНІИ

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ

ПРОЧИТАННАЯ

ВЪ МИЛАНСКОМЪ ФИЛОЛОГИЧЕСКОМЪ О-ВѢ

DK
298

БѢЛГРАДЪ
Оттискъ газеты „Новое Время"
1929

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ

ЛИТЕРАТУРА ВЪ ИЗГНАНІИ

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ

ПРОЧИТАННАЯ

ВЪ МИЛАНСКОМЪ ФИЛОЛОГИЧЕСКОМЪ О-ВѢ

БѢЛГРАДЪ
Оттискъ газеты „Новое Время"
1929

228
30

ШТАМПАРСКИ ЗАВОД „ОРАО"
БЕОГРАД ТОПЛИЧИН ВЕНАЦ 4.

I

Сила. Численность. „Главный недостатокъ?" Литература бѣлыхъ отступленій.

По всей вѣроятности, многіе изъ слушателей, идя на эту мою лекцію, говорили себѣ:

— Русскій писатель - изгнанникъ будетъ разсказывать намъ о русскихъ писателяхъ въ изгнаніи, — значитъ, наслушаемся мы жалобъ, горькихъ словъ и тяжелыхъ вздоховъ.

Я обману эти ожиданія. Вмѣсто предвидимой картины упадка и разрушенія, я надѣюсь показать картину, напротивъ, высокаго подъема и прочнаго созиданія. Тяжкія матеріальныя условія, въ которыхъ мы, изгнанники, влачимъ свое существованіе, не сломили ни духа, ни энергіи русскаго литературнаго класса. Напротивъ, обновили ихъ: расширили территоріально и этнографически область нашего бытового наблюденія, обострили наше вниманіе, углубили психологическое проникновеніе.

За немногіе годы своего невольнаго возникновенія, русская зарубежная литература проявила жиз-

ненной силы, творческой способности и красочнаго богатства несравненно больше, чѣмъ въ предшествовавшій нашъ литературный періодъ отъ кончины Чехова до революціи. Дерзну даже сказать, что и въ послѣднія два десятилѣтія XIX вѣка, если оставимъ въ сторонѣ колоссальное творчество Льва Толстого, русская литература была бѣднѣе людьми и событіями, чѣмъ въ нынѣшнемъ своемъ зарубежномъ состояніи, казалось бы, столь неблагопріятномъ для ея роста и развитія.

Не примите это за оптимистическое преувеличеніе. Его легко оправдаетъ простой статистическій подсчетъ силъ, проявлявшихъ себя въ литературномъ зарубежьѣ съ 1918 по 1929 г. г. произведеніями болѣе или менѣе крупнаго объема, преимущественно въ отдѣльныхъ изданіяхъ. По первой памяти, не прибѣгая къ библіографическимъ источникамъ, я насчитываю ихъ до ста, при чемъ считаю только авторовъ беллетристическихъ произведеній, оставляя въ сторонѣ критиковъ, публицистовъ, историковъ и мемуаристовъ, хотя изъ нихъ многіе также должны были-бы причислены быть къ художественной литературѣ.

Кромѣ того, я не включалъ въ списокъ случайныхъ писателей, не успѣвшихъ опредѣлиться профессі-

онально. И, наконецъ, само собою разумѣется, въ спискѣ нѣтъ „смѣновѣховцевъ.“ Исключеніе сдѣлано только для Б. В. Савинкова и Дерегаля, потому что, какъ бы сомнителенъ ни былъ политически Савинковъ и какъ бы несомнѣнно гнусенъ ни былъ Дерегаль, но, въ качествѣ литераторовъ (и очень даровитыхъ), они всецѣло принадлежатъ Зарубежью*).

Само собою разумѣется, что далеко не всѣ произведенія исчисленныхъ писателей въ правѣ расчитывать на большое значеніе въ литературѣ, но имѣется между ними не

*) Вотъ этотъ списокъ:

Аверченко (ум.), Адамовичъ, Алдановъ, Амфитеатровъ, Л. Н. Андреевъ (ум.), Арцыбашевъ (ум.), Бальмонтъ, кн. Барятинскій, кн. Бебутова, Берберова, Брандъ, Брешко-Брешковскій, Бунинъ, И. Воиновъ, кн. Волконскій А., кн. Волконскій С., Галичъ, Гиппіусъ, Глуховцова, С. Горный, Гофманъ, Гребенщиковъ, Гришинъ, Гусевъ-Оренбургскій, ген. Деникинъ, Дерегаль, Елецъ, Б. Зайцевъ, Зуровъ, В. Кадашевъ (Амфитеатровъ-сынъ), кн. Касаткинъ-Ростовскій, Клементьезъ, А. Кондратьевъ, Корчемный, Кошко (ум.), Красновъ, Крачковскій, Крыжановская (ум.), Купринъ, Ладыженскій, Лоло, Лукашъ, Лунинъ, кн. Львовъ, Л. Львовъ, Маковскій, Мережковскій, Минцловъ, Муратовъ, Наваль, Нагродская, Наживинъ, Немировичъ-Данченко, Первухинъ (ум.), Петрищевъ, Пильскій, Плещеевъ, Потемкинъ (ум.), Ремизовъ, Ренниковъ, Рощинъ, Рыбинскій, В. Рышковъ (ум.), Савинъ (ум.), Свѣтловъ, В. Сиринъ, Соколовъ-Кречетовъ, Степунъ, Л. Столица, Г. Струве, Б. Суворинъ, Сургучевъ, И. Свѣрянинъ, Е. Тарусскій, гр. Л. Л. Толстой,

мало и такихъ, совершенство которыхъ вводитъ авторовъ въ число русскихъ классиковъ. Какъ безспорные, общепризнанные примѣры, укажу „Господина изъ Санъ-Франциско“ и „Митину любовь“ И. А. Бунина, „Неупиваемую Чашу“ Шмелева, „Житіе св. Сергія“ Б. Зайцева, „Золотого пѣтуха“ А. И. Куприна.

Предупредивъ, такимъ образомъ, аудиторію о моемъ оптимистическомъ общемъ взглядѣ на зарубежную русскую литературу, я позволю себѣ быть оригинальнымъ въ томъ отношеніи, что, вмѣсто немедленнаго исчисленія ея достоинствъ, начну съ разсмотрѣнія главнаго недостатка, который ставятъ ей въ укоръ наши враги. А именно: это, при несомнѣнномъ богатствѣ силами зрѣлыми и дозрѣвающими, она скудна молодежью и, слѣдовательно, не имѣетъ будущаго.

Въ укорѣ этомъ есть доля правды, но еще большая доля преждевременности. Сейчасъ еще нельзя судить, органическій ли это недостатокъ или лишь случайный, услов-

---

Тыркова-Вильямсъ, Тэффи, Урванцевъ (ум.) Ал. М. Ѳедоровъ, Философовъ, Хирьяковъ, Ходасевичъ, М. Цвѣтаева, Чириковъ, Шмелевъ, Шумлевичъ, Шульгинъ, кн. Щербатовъ, А. Яблоновскій, С. Яблоновскій.

„И нынѣ, господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не кляните.“

Ал. Амф.

ный, въ зависимости отъ недавности бытія самой нашей эмиграціи, едва достигающей десятилѣтняго возраста. Вѣдь революція не сразу ее создала. Февральскій переворотъ 1917 года вызвалъ лишь малочисленное выселеніе за границу чрезмѣрно фанатическихъ или чрезмѣрно робкихъ представителей крайней монархической правой и нѣсколькихъ предусмотрительныхъ капиталистовъ, имѣвшихъ благоразуміе не повѣрить въ прочность „безкровной" революціи съ г. Керенскимъ во главѣ государства. Интеллигенція и руководствующая часть ея, литература, не имѣли къ этимъ первенцамъ эмиграціи почти никакого отношенія и, напротивъ, шумно справляли праздникъ свободы, очень гордо водворившейся на развалинахъ павшаго царизма. Праздникъ, увы, очень короткій. Поразительная бездарность и слабость (да и не безъ подловатости) Временнаго Правительства быстро привелъ нашу республиканскую идиллію къ плачевному концу.

При смѣнившемъ ее большевизмѣ, покуда онъ не показалъ когтей повальнаго краснаго террора, изъ Россіи тоже мало кто бѣжалъ. Въ торжествѣ Ленина интеллигенція видѣла не болѣе, какъ острый и очень непріятный для нея, но кратковременный политическій переворотъ, имѣвшій, среди дурныхъ

и опасныхъ сторонъ, одну даже недурную: что смѣстилъ всѣмъ опостылѣвшее Временное Правительство и окончательно разоблачилъ въ недавнемъ общемъ идолѣ Керенскомъ политическаго шарлатана и жалкаго труса. А потому, какъ ни погано было отъ большевиковъ, общество терпѣливо ждало новаго очередного переворота, который теперь, вслѣдъ Керенскому, смѣститъ и Ленина съ компаній и водворитъ тотъ или иной твердый порядокъ. Большинству интеллигенціи онъ мечтался въ формѣ военно-республиканской диктатуры, меньшинству въ формѣ конституціонно-демократической монархіи. Самодержавистовъ въ это время почти не было.

Вмѣсто чаемаго переворота, мы дождались похабнаго Брестъ-Литовскаго мира, убѣдившаго большевицкую „головку“, что, усталая отъ войны и одержимая революціоннымъ умопомѣшательствомъ, Россія неспособна на политическое сопротивленіе какому бы то ни было внутреннему политическому насилію. Ленинцы разнуздались окончательно. Наступила пора воинствующаго коммунизма и разрушенія страны краснымъ террором съ краснымъ грабежомъ. Интеллигенція дрогнула и спохватилась бѣжать. Послѣ убійства Государя съ Семьею въ Екатеринбургѣ эмиграція сдѣлалась эпидемическою, а когда союзники пре-

дали бѣлое движеніе, и въ порабощенную Россію пришелъ голодъ, — стихійною.

Тяжелыя и отчаянныя бывали бѣгства, какъ одиночныя, такъ и массовыя. Послѣднія, обыкновенно, слѣдовали за отступленіями бѣлыхъ армій и дѣлили ихъ судьбу. Богъ миловалъ меня отъ скорби видѣть трагическія южныя эвакуаціи Новороссійска и Крыма, но я былъ очевидцемъ Петрограда въ дни, когда онъ почти взятъ былъ ген. Юденичемъ: операція провалилась въ моментъ своего полнаго успѣха, въ результатѣ предательскаго отхода англійской эскадры къ Ригѣ. Горестное отступленіе Юденича изображено нашимъ знаменитымъ писателемъ, Александромъ Ивановичемъ Куприным ъ, въ книгѣ „Куполъ Исаакія Далматскаго". Съ болотистыхъ равнинъ вокругъ Петрограда золотой куполъ его собора видѣнъ за десятки верстъ. Послѣдовательное медленное исчезновеніе его изъ глазъ отступающихъ было для нихъ горькою символическою драмою утраты отечества, можетъ быть, въ невозвратность. Купринъ, гатчинскій житель; свидѣтель наступленія и участникъ отступленія, прочувствовалъ эту драму личнымъ опытомъ и передалъ ее со всею правдивою трогательностью, свойственною ему, высокоталантливому ученику Антона Чехова и на-

слѣднику его искренности и тонкаго „атомистическаго“ письма.

2

П. Н. Красновъ.

То же самое отступленіе подробно описано въ романѣ „Понять — простить“ авторомъ, наиболѣе читаемымъ въ русскомъ Зарубежьѣ. Генералъ Петръ Николаевичъ Красновъ — человѣкъ уже немолодой, но въ нашей литературной семьѣ— изъ младшихъ участниковъ. Къ перу онъ обратился лишь послѣ того, какъ побѣда большевицкой революціи надъ бѣлымъ движеніемъ остановила его политическую и военную карьеру и вынудила его покинуть отечество. Такъ что въ Красновѣ, какъ писателѣ, мы имѣемъ, не смотря на его почти 60 - лѣтній возрастъ, въ точномъ смыслѣ слова, „дитя эмиграціи“.

Очень талантливое дитя, одаренное способностью стремительно быстраго художественнаго письма. За десять лѣтъ Красновымъ написано чуть ли не пятнадцать толстыхъ томовъ, — преимущественно, романовъ о войнѣ и революціи. Главная сила ихъ, конечно, въ картинахъ военнаго быта и военнаго дѣла, превосходно изученныхъ авторомъ, прошедшимъ школу войны съ младшихъ офицерскихъ чиновъ до высшаго командованія. Какъ худож-

никъ-баталистъ, Красновъ силенъ не менѣе великаго автора „Войны и Мира“ (напр. въ „Единой, Недѣлимой“). Пожалуй, для насъ его батальная живопись даже интереснѣе, такъ какъ онъ пишетъ современную ужасную „войну на разстояніи“, а ея пріемы, нравы и психологія, конечно, очень далеко ушли отъ эпохи Наполеоновыхъ войнъ, которую Толстой долженъ былъ угадывать, и отъ войнъ Севастопольской и Кавказской, въ которыхъ онъ лично былъ участникомъ - наблюдателемъ.

Кровный казакъ и природный кавалеристъ, Красновъ не превосходимъ въ изображеніяхъ военнаго, такъ сказать, центавризма: сліянія психологіи всадника съ психологіей лошади въ единую дѣйственную силу. Его успѣхи въ этой области тѣмъ болѣе замѣчательны, что она любовно разработана въ русской литературѣ ея классиками (Лермонтовъ, Тургеневъ, больше всѣхъ Толстой), а въ ближайшее время ею занялись Купринъ (знаменитый „Изумрудъ“) и Шмелевъ („Мэри“). Выдѣлиться на фонѣ такого авторитетнаго предшествія не легко и, конечно, свидѣтельствуетъ о первоклассномъ художественномъ талантѣ.

Красновъ глубоко чувствуетъ народный бытъ и положительныя качества русскаго народа, спасающія его анархическую натуру, даже и на

предѣльномъ рубежѣ грѣховности, способностью къ дѣятельному покаянію („Единая Недѣлимая"). Если мы прибавимъ къ этому мастерство Краснова писать занимательно, съ пестрою фабулою, съ уснащеніемъ дѣйствія увлекательными приключеніями, и безусловно прекрасный русскій языкъ, то понятно будетъ современное увлеченіе Красновымъ зарубежной читательской массы, не говоря уже объ остромъ публицистическомъ значеніи его романовъ.

Это пламенная проповѣдь противобольшевицкаго активизма, неумолимаго въ борьбѣ и отмщеніи. Ужасы, постигшіе Россію чрезъ большевицкое плѣненіе, Красновъ не стѣсняется воспроизводить съ натуралистической рѣзкостью. Такъ какъ Красновъ человѣкъ очень религіозный, мистикъ и вѣритъ въ оккультныя силы, то коммунизмъ и, въ особенности, его русская, большевицкая форма, представляются ему явленіями сатаническими, водвореніемъ царства пришедшаго на землю Антихриста. Поэтому борьба съ большевиками — обязательное и непремѣнное христіанское дѣло: борьба Христовой Церкви съ наступающими на нее врагами адовыми, крестовый походъ за Христа на Дьявола. Воплощеннымъ дьяволомъ чудится одному изъ героевъ Краснова (генералу Кускову въ „Понять—простить") ораторствующій Троц-

кій, другому (Ершову въ „Единой Недѣлимой"), вовлекшій его въ пучину преступленій, коммунистъ-пропагандистъ. И. т. д.

Положительные идеалы Краснова страдаютъ нѣкоторою неопредѣленностью: порокъ, общій, впрочемъ, всей русской эмиграціи. Мы всѣ очень хорошо знаемъ, чего мы не хотимъ въ исковерканной революціей Россіи и что должны уничтожить, но не очень то точно знаемъ, чего хотимъ и что должны выстроить. Красновъ монархистъ, будущую Россію мечтаетъ видѣть съ Царемъ и господствующею Православною Церковью. Но Царь Краснова какой-то особенный, идеальный, символическій самородокъ, возникающій провиденціальнымъ посланствомъ („Чертополохъ"), чтобы управлять народомъ непосредственно, безъ бюрократическаго засилья и средостѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ подчиненіи народной волѣ, выражаемой тоже какъ-то непосредственно.

Церковь Краснова тоже идеальная: свободолюбивая, терпимая ко всѣмъ христіанскихъ вѣроисповѣданіямъ, но крайне строгая и взыскательная къ православію въ собственныхъ нѣдрахъ.

Въ еврейскомъ вопросѣ Краснова нельзя причислить къ принципіальнымъ антисемитамъ: онъ не „жидоѣдъ". Но политическій антисемитъ

въ условіяхъ современности: поскольку евреи участвовали въ развитіи большевицкой революціи и использовали ее къ своему возвышенію, обогащенію и преимущественно правію за счетъ разрушенной Россіи.

Понятно, что Красновъ пылкій апологетъ старой дворянской семьи, въ Бога вѣровавшей, Царя чтившей, и благоговѣйный идеализаторъ русской женщины того прекраснаго и возвышеннаго типа, который принято опредѣлять „женщинами Тургенева", а родоначаліе свое онъ ведетъ отъ пушкинской Татьяны, этой Мадонны русскаго общества.

Идеалистическое воззрѣніе Краснова на семью и нравственное воспитаніе дѣлало бы его романы чрезвычайно полезными для юношества, если бы ужасныя картины торжествующаго большевизма не вынуждали автора къ изобилію натуралистическихъ сценъ всевозможнаго большевицкаго полового безобразія.

Но для юношества Красновымъ написанъ очаровательный „Мантыкъ:" бодрая повѣсть приключеній двухъ славныхъ русскихъ мальчиковъ въ Абиссиніи, въ духѣ Майнъ-Рида, но съ большимъ талантомъ и съ превосходствомъ идейнаго урока. Вещь энергическая, патріотическая и увлекательно авантюрная.

Я позволилъ себѣ долго задержать ваше вниманіе на литературной фигурѣ генерала Краснова потому, что она вмѣщаетъ въ себѣ всѣ достоинства и всѣ недостатки той части эмиграціи и бѣженства, которую я назову „непримиримою“ буржуазіей, даетъ ей любимое чтеніе и отражается въ десяткахъ, если не въ сотняхъ, книгъ ея литературы.

Вопреки своему изобильному производству, литература эта не блещетъ ни крупными именами, ни яркими твореніями. Красновъ — предѣльная точка ея достиженій, къ которой неисчислимые усердствующіе стремятся, но немногіе доходятъ.

3

Молодость литературная, трудовая и боевая „Галлиполійская литература.“ Иванъ Савинъ.

Интеллигентная эмиграція, созданная первыми пятью годами большевицкаго ига, составилась, по преимуществу, изъ людей зрѣлаго возраста, лѣтъ 35, 40 и выше, и вывезенныхъ ими стариковъ, женщинъ и дѣтей. Молодежи было въ ней сравнительно мало. Молодежь противобольшевицкой интеллигенціи была частью скошена смертью на поляхъ гражданской войны, частью

вывезена, въ составѣ бѣлыхъ армій Деникина и Врангеля при южныхъ эвакуаціяхъ; частью, наконецъ, стала приспособляться къ хаосу взбудораженной страны. Одни поладили съ совѣтскимъ деспотизмомъ, другіе ушли въ подполье, чтобы продолжать „контръ-революцію"; третьи вернулись въ учебныя заведенія съ тѣмъ, чтобы время отъ времени подвергаться „чисткѣ", въ качествѣ элементовъ не-пролетарскаго происхожденія; четвертые занялись спекуляціей по НЭП'у.

Эвакуированная молодежь, черезъ Константинополь, разсасывалась понемногу на поиски трудового пропитанія по всему земному шару. Часть ея надолго задержалась въ Галлиполи въ военномъ лагерѣ подъ строгою дисциплиною генерала Кутепова. Когда, волею державъ, галлиполійскій лагерь былъ упраздненъ, его офицерство разсыпалось по Европѣ повсемѣстно. Часть галлиполійцевъ получила возможность продолжать образованіе, прерванное войною (преимущественно въ Прагѣ). Большинство должно было обратиться къ ручному труду. Русскихъ офицеровъ увидѣли чернорабочими шахты, порты, фабрики и заводы въ Европѣ, кофейныя, табачныя и всякія иныя плантаціи въ Южной Америкѣ, Азіи, Африкѣ. Солдаты французскаго Иностраннаго Легіона въ Марокко и Сиріи. Волонтеры въ ар-

міяхъ междоусобныхъ войнъ Китая. И т. д.

Ясно, что среда, погруженная въ 12-часовой физическій трудъ и обуреваемая заботою, въ буквальнѣйшемъ смыслѣ, о хлѣбѣ насущномъ, не способствуетъ росту и развитію литературныхъ дарованій. И, если, всетаки, возникла и существуетъ такъ называемая „Галлиполійская литература", это героическое исключеніе доказываетъ только, что духъ культуры, — Божья искра! — неистребимъ даже въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ и, во истину. „дышитъ, гдѣ хочетъ", порождая цвѣты и на гранитѣ. Силы „Галлиполійской литературы" довольно скромны, дѣятельность не обширна, но она имѣетъ несомнѣнно благое вліяніе на эмиграцію твердостью своей патріотической энергіи и является однимъ изъ наиболѣе стойкихъ оплотовъ противъ тенденцій и пропаганды „соглашательства".

Изъ писателей галлиполійской группы должны быть отмѣчены Н. З. Рыбинскій (авторъ „Галлиполійскихъ разсказовъ, съ прекраснымъ, получившимъ широкую извѣстность, „Володею, и милой комической идилліи „Лиза") и поэтъ Иванъ Савинъ, „галлиполіецъ по духу", скончавшійся два года тому назадъ въ Гельсингфорсѣ

Обрусѣвшій финнъ по рожденію, пылкій русскій патріотъ по чувству,

Савинъ, въ годы гражданскихъ войнъ, жестоко пострадалъ отъ большевиковъ. Братья были убиты, сестры опозорены. Удивительно ли, что поэзія Савина, слабая по формѣ, силою ненависти и жажды мщенія поднимается на высоту такой страстной скорби, что трудно читать его стихи безъ слезъ, не заражаясь ихъ праведнымъ гнѣвомъ, не вторя его проклятіямъ. Муза Савина — во истину „муза мести и печали". Его поэзія — родная сестра той, полной громами и молніями, прозѣ Арцыбашева (увы, его мы тоже потеряли два года тому назадъ!), внимая которой юноша Коверда вспомнилъ, какъ на его глазахъ большевики зарывали въ землю, еще живыми, разстрѣлянныхъ, и взялся за револьверъ, чтобы убить цареубійцу Войкова.

Въ наше время метрическое свидѣтельство, какъ возрастный показатель, не много значитъ. Юноша, прибывшій въ эмиграцію восемь лѣтъ назадъ двадцатилѣтнимъ, сейчасъ считаетъ себѣ уже не 28, какъ показываетъ документъ, а не всѣ ли 40 и больше? Поглощенный трудомъ ручнымъ, а не интеллектуальнымъ, очень отъ него усталый и огрубѣлый, молодой эмигрантъ преждевременно старѣетъ духомъ. Проходящей огни и воду и мѣдныя трубы молодежи не до литературы, ибо литература въ эмиграціи не кормитъ. Отдавать ей свои до-

суги? Но у молодого эмигранта (говорю, конечно, о порядочной трудовой молодежи, а не о лодыряхъ) не бываетъ досуговъ. Когда же онъ выбьется изъ трудовой нужды настолько, чтобы получить досуги для литературнаго дебюта, онъ уже не молодъ.

Онъ уже значительно прижился въ той или другой изъ странъ своего эмигрантскаго кочеванія и получилъ профессіональную печать отъ котораго нибудь изъ своихъ промысловъ и рѣмеселъ.

И, если онъ дебютируетъ въ литературѣ, то уже — какъ много бывалый мемуаристъ; ему есть что вспомнить, побольше всякаго стараго старика. Разсказываетъ намъ, какъ онъ былъ шоффероиъ, оффиціантомъ, солдатомъ Иностраннаго Легіона и т. д.

Всегда „былъ". Именно это непремѣнное прошедшее время, свидѣтель многоопытности, и кладетъ на всѣ молодыя дарованія, обнаружившіяся въ Зарубежьѣ между 1918-1929 гг., ту роковую печать, что даетъ врагамъ эмиграціи нѣкоторое право утверждать, будто у нея нѣтъ литературной молодежи.

Нѣтъ, она есть, только ищутъ ее не тамъ, гдѣ надо, довѣряя метрическимъ свидѣтельствамъ. Надо искать не на скошенномъ полѣ, а на всходахъ. Наша литературная молодежь еще на выростѣ. Это тѣ,

кто вывезенъ былъ изъ Россіи ребенкомъ, или самъ выбрался отрокомъ, какъ Леонидъ Зуровъ, авторъ „Кадета“, лучшаго плода эмигрантской беллетристики за 1928 годъ. Когда эти всходы поднимутся, — какъ поднимается всякій хорошій овощь на огородѣ, увлажненномъ отшумѣвшими грозами, — тогда и будетъ правильно и честно судить и считать, есть ли у литературной эмиграціи достойное молодое преемство. А покуда были бы равно несправедливы, какъ осужденія, такъ похвальба, потому что худое не показательно по вышеисчисленнымъ причинамъ, а въ хорошемъ нельзя отрицать случайности и единичности. Мы пережили и доживемъ десятилѣтіе не литературной молодости, но боевой и трудовой.

4

М. П. Арцыбашевъ. И. С. Шмелевъ.

Огромное вліяніе на эту молодежь имѣлъ и словомъ и личнымъ примѣромъ покойный Арцыбашевъ: живое воплощеніе некрасовскаго завѣта писателю, что —

Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ!

Михаилъ Петровичъ Арцыбашевъ былъ большимъ писателемъ, но еще больше — „человѣкъ онъ былъ!“.

Беллетристика его разноцѣнна. Есть въ ней перлы, есть, съ позволенія сказать, и навозъ. Пресловутый „Санинъ“, вопреки его всемірной извѣстности, относится ко второй категоріи, но, напримѣръ, „У послѣдней черты“ — уже очень значительная, исторически показательная вещь, не дооцѣненная еще по достоинству, какъ, врочемъ, и вообще Арцыбашевъ. Онъ изъ тѣхъ авторовъ, которыхъ пониманіе возрастаетъ чрезъ отдаленіе ихъ эпохи въ историческую перспективу: истинную оцѣнку имъ даетъ не современность, но потомство.

Въ этомъ Арцыбашевъ напоминаетъ Бальзака. Оба были чрезвычайно модны и популярны въ свое время, но своимъ временемъ очень плохо и поверхностно поняты, а потому, вскорѣ по отшествіи своемъ изъ сего міра, впали въ полосу забвенія. Бальзакъ вновь понадобился французамъ и воскресъ въ значеніи великаго мастера, опредѣлителя литературной эпохи, лѣтъ черезъ двадцать пять послѣ смерти, Арцыбашевъ русскимъ понадобится гораздо скорѣе. Разница съ Бальзакомъ та, къ невыгодѣ Арцыбашева, что ему не суждено было довести развитіе своего художественнаго дара до предѣла данныхъ ему средствъ и способностей. И умеръ онъ рано, и задолго до смерти отошелъ отъ беллетристики для дѣятельности бое-

вого политика-публициста, которая въ исторіи эмиграціи останется навсегда блестящею страницею—формуляромъ великой и незабвенной службы русскому народу.

Арцыбашевъ вовсе не былъ „человѣкомъ экстремы", какъ многіе пытались его опредѣлять, обманываясь его пламеннымъ литературнымъ темпераментомъ. Напротивъ, характеромъ онъ былъ очень мягокъ, а умъ имѣлъ разсудительный и логическій, Но именно на прямолинейныхъ путяхъ строгой „честности мысли", логической до конца, обрѣталъ онъ ту безпощадную послѣдовательность, что опредѣляетъ его, какъ писателя-гражданина, смѣлаго до дерзости, прямого до грубости, всегда съ рѣшительнымъ ультиматумомъ „или-или" на перѣ. Его варшавская противобольшевицкая кампанія была сплошнымъ бомбометательствомъ въ лагери коммунизма и соглашательства. Не принадлежа ни къ какой политической партіи, ни правой, ни лѣвой, будучи ярко выраженнымъ борцемъ-индивидуалистомъ, Арцыбашевъ, тѣмъ не менѣе, естественно занялъ первенствующее мѣсто въ строю „непримиримыхъ". Соглашатели язвили его направленіе кличкою „лубочной непримиримости". Онъ ее принялъ съ удовольствіемъ, но отвѣтилъ соглашателямъ кличкою „ультра фіолетовыхъ", которая къ нимъ приви-

лась и не доставляетъ имъ ни малѣйшаго удовольствія.

Три года кипѣлъ Арцыбашевъ въ своихъ героическихъ бояхъ,—больной, въ непосильномъ трудѣ, почти въ нищетѣ,—и сгорѣлъ въ боевомъ пламени. Нѣкоторые враги его (увы, русскіе и не большевики!) указывали не безъ злорадства, что у него не нашлось достойныхъ преемниковъ. Но въ словѣ ихъ у Арцыбашева и не могло, и даже не должно было быть. Въ своемъ огневомъ паѳосѣ, онъ договорился до той точки, на которой слово должно или переходить въ дѣйствіе, или умолкнуть. Когда смерть одною рукою сломала перо Арцыбашева, другою рукою она подала револьверъ восторженному юношѣ Ковердѣ. Арцыбашевъ оставилъ по себѣ „литературную школу", но она не пишетъ, а стрѣляетъ, уходитъ съ винтовками въ бѣлорусскіе лѣса, организуетъ и ведетъ крестьянскія возстанія, „бьетъ змѣю, да не забываетъ и змѣенышей", какъ учитъ заповѣдь нынѣшняго „Братства Русской Правды": безпощадно истребляетъ, сколько въ силахъ, всякую встрѣчную большевицкую власть и сама отъ нея безтрепетно погибаетъ, съ чувствомъ исполненнаго патріотическаго долга.

Арцыбашевъ, вступивъ въ эмиграцію, громко заявилъ, что отнынѣ впредь до паденія большевиковъ

онъ болѣе не романистъ, не новеллистъ, не драматургъ, а только публицистъ, политическій трибунъ-патріотъ.

Близкій къ Арцыбашеву по настроенію и темпераменту, Иванъ Сергѣевичъ Шмелевъ, такихъ заявленій не дѣлалъ и зароковъ не давалъ. Онъ слишкомъ художникъ, чтобы заклать свое высокое искусство на жертвенникѣ политики. Но силою своего изобразительнаго дара, онъ въ искусствѣ оказывается публицистомъ болѣе всѣхъ преднамѣренныхъ публицистовъ и занимаетъ передовой постъ въ той части зарубежной литературы, которую я позволю себѣ опредѣлить „воплемъ выстраданнаго слова." Она очень обширна. Въ большей или меньшей мѣрѣ, къ ней причастны почти всѣ писатели-эмигранты, такъ какъ рѣдко кто изъ насъ не имѣлъ несчастія лично претерпѣть или очевидцемъ наблюдать возмутительныя насилія и надругательства большевицкаго ада надъ человѣкомъ и Богомъ въ человѣкѣ.

Конечно, вся эта литература скорбящей памяти граничитъ съ обличительнымъ мемуаромъ и отмѣчена яркою печатью индивидуальнаго импрессіонизма, иногда — до формы прямо таки личныхъ дневниковъ („Окаянные дни" Бунина). Шмелевъ въ этой литературѣ — самая высокая точка, самая громкая нота.

Знаменитое „Солнце мертвыхъ“ Шмелева тоже дневникъ. Авторъ пережилъ въ Крыму страшные 1921 и 1922 годы, когда голодъ довелъ населеніе до людоѣдства.

Это самая грозная книга изъ всѣхъ, написанныхъ противъ большевицкаго злодѣйства, несмотря на то, что въ ней нѣтъ тѣхъ ужасныхъ сценъ жестокости, насилія, казней, пытокъ, грабежей, разврата, которыми изобилуютъ романы Краснова и его подражателей.

Свирѣпое большевицкое дѣйство у Шмелева всегда освѣщается только мелькомъ, оставаясь на заднемъ планѣ: къ чувствованію, какъ незримая, но все подавляющая, отравляющая, разрушительная сила, а не къ изображенію. На переднемъ же планѣ — страдательный результатъ дѣйства. Трава не росла тамъ, гдѣ ступали копыта коня Атиллы, — не ростетъ и тамъ, гдѣ ее топтали сапоги большевиковъ. Всюду за ними по пятамъ ихъ, входитъ и водворяется властвовать Смерть. Смерть культуры, смерть человѣка, смерть самой природы.

Крымъ названныхъ лѣтъ,—нашъ очаровательный, царственно-могучій и богатый Крымъ,—обратился подъ пятою большевизма въ страну камня, гдѣ погасла живительная сила Прометеева огня, и люди, одичавъ, стремительно покатились въ предъ-

историческій мракъ, на уровень говорящихъ животныхъ.

Одичаніе человѣка въ рабствѣ у голода, холода и постояннаго страха смерти, въ существованіи не подъ однимъ, а подъ неисчислимо нависшими Дамокловыми мечами, капитуляція мыслительныхъ и волевыхъ способностей предъ инстинктомъ самосохраненія — вотъ постоянная жуткая тема Шмелева.

Развивая ее, онъ соперничаетъ въ силѣ съ Достоевскимъ, въ правдивости далеко превосходитъ Эдгара По („ЭтоБальзакомъ и было"), горечью дерзновеннаго сарказма соприкасается съТеккереемъ(„Панорама.")

Достоевскаго въ Шмелевѣ больше всего. Со временъ „Бѣсовъ", „Идіота" и „Братьевъ Карамазовыхъ", никто не только въ русской, но и во всемірной литературѣ не проникалъ въ ночную область человѣческаго духа съ такою смѣлостью и до такихъ мрачныхъ глубинъ („Солнце мертвыхъ," „Повѣсть объ одной старухѣ".)

Да, Шмелевъ, конечно, глава и вождь „достоевщины" въ современной литературной эпохѣ, но „достоевщины" въ новомъ изданіи, пересмотрѣнномъ и дополненномъ. Ибо она пережила Великую войну и русскую революцію и видѣла, и на шкурѣ своей претерпѣла неистовство „бѣсовъ", когда они, предвидѣнные и предсказанные Достоевскимъ,выр-

вались изъ ада и забушевали надъ опозоренной и въ кровавой грязи захлебнувшейся, Русскою Землей.

Страдальческій вопль Шмелева производитъ гѣмъ болѣе острое впечатлѣніе, что вырывается онъ вовсе не изъ груди титана, а скорѣе изъ груди ребенка, за что-то брошеннаго капризомъ судьбы въ переживаніе чудовищной трагедіи, тогда какъ ему и хочется, и слѣдовало бы жить и творить въ обстановкѣ идилліи.

Свѣтлый мистицизмъ „Неупиваемой Чаши", свѣтлая грусть тонкаго психологическаго проникновенія въ міръ животныхъ („Мэри"), сіяніи русскихъ святыхъ праздниковъ подъ гулъ московскихъ колоколовъ, — вотъ гдѣ истинный Шмелевъ, Шмелевъ по натурѣ, Шмелевъ, не испуганный дикою жизнью до стоновъ и криковъ, мучительныхъ, какъ голосъ апокалиптической жены, которая „вопіетъ болящи и страждущи родити."

5.

Два русла. А. И. Купринъ. „Неотургенизмъ". Б. К. Зайцевъ. В. Сиринъ.

Издавна замѣчено, что потокъ русской литературы льется двумя руслами: художественнаго объективизма, опредѣляемаго именемъ Тургенева, и страстнаго субъективизма,

опредѣляемаго именемъ Достоевскаго. Два русла соединились было въ огромномъ разливѣ - озерѣ Льва Толстого, но оно ихъ не удержало и, по выходѣ изъ него, потокъ опять раздѣлялся на два рукава, при чемъ Тургеневскій рукавъ значительно усилился, принявъ въ себя притоки отъ Чехова съ его школою. Тѣмъ болѣе, что къ ней надо отнести и М. Горькаго въ лучшій ранній періодъ его творчества, когда онъ былъ вольнымъ нравоописателемъ—романтикомъ и чудеснымъ языкомъ разсказывалъ намъ „правдивыя лжи“ о босякахъ. Совершенно такъ же, какъ въ тридцатыхъ годахъ Марлинскій чаровалъ общество „правдивыми лжами“ объ Аммалатъ-Бекѣ и Мулла-Нурѣ, а въ сороковыхъ и пятидесятыхъ Григоровичъ — „правдивою ложью“ объ Антонѣ Горемыкѣ и Тургеневъ „Записками Охотника“. Въ эмигрантской литературѣ русла Тургенева и Достоевскаго опредѣляются съ большою ясностью, не смотря на позднѣйшіе привносы.

Особнякомъ стоитъ крѣпкій могучій талантъ Александра Ивановича Куприна. Младшій сверстникъ Чехова, Купринъ, конечно, тоже долженъ быть отнесенъ къ тургеневскому руслу, но уже по выходѣ его изъ толстовскаго озера. Изъ всѣхъ современныхъ русскихъ писателей Купринъ наиболѣе родня Толстому-художнику, хотя не имѣетъ ничего

общаго съ Толстымъ-моралистомъ и религіознымъ проповѣдникомъ. Куприна можно опредѣлить Львомъ Толстымъ первой художественной манеры, — какъ написаны „Казаки“, „Два гусара“, „Поликушка“ и пр., включительно съ „Холстомѣромъ“, соперникомъ котораго явился купринскій „Изумрудъ„. Какъ въ Толстомъ, живетъ въ Купринѣ то же „славочудское“ языческое начало, тотъ же натуральный великорусскій пантеизмъ. Съ тою же острою наблюдательностью — до, какъ бы, общности съ природою во всѣхъ изображаемыхъ ея силахъ, съ тою же радостью и полнотою здоровой жизни, съ тѣмъ же умѣньемъ наслаждаться счастьемъ существованія и полно ощущать каждый его яркій моментъ.

Это писатель бодрый и бодрящій. Въ этомъ отношеніи Купринъ стоитъ даже впереди Толстого, такъ какъ въ немъ нѣтъ ни капли рано заговорившей въ Толстомъ „нехлюдовщины“: страсти къ психологическому „самоковырянію“ и возни со своимъ „Я“. Купринъ не знаетъ уныній и умѣетъ разгонять его въ читателѣ самыми простыми средствами. Такъ: возьметъ да укажетъ вамъ какой нибудь радостный символъ бытія, мимо котораго вы проходили безъ вниманія, какъ слѣпой и глухой, а зрячій и чуткій художникъ вдругъ открылъ вамъ глаза и

уши: „смотри, слушай, — вотъ тебѣ лучъ и голосъ вѣры и надежды!“ Геніально выразителенъ въ этомъ значеніи разсказъ Куприна „Золотой Пѣтухъ“: очень простая „симфоническая“ картина зари, когда вся земля оглашается радостнымъ перекликомъ пѣтуховъ, привѣтствующихъ рожденіе дня. Простая, но, въ простотѣ своей, глубоко-мудрая, полная всечеловѣческой мысли, вещь эта заставляетъ каждаго читателя почувствовать себя, хотя мгновеніе, „гражданиномъ вселенной и органическимъ атомомъ ея величія.

Купринъ и въ жизни тотъ же, что въ литературѣ. Его любимое общество — бодрые, сильные люди физическаго труда и спорта: атлеты, охотники, цирковые артисты, жокеи, наѣздники, гимнасты, боксеры. Mens sana in corpore sano. Онъ любитъ хорошесть человѣка, чистоту духа и, какъ никто другой, умѣетъ выявить высокое чувство и благородное побужденіе въ простѣйшемъ дѣйствіи простѣйшаго героя; таковъ его знаменитый „Гранатовый браслетъ“, высшее достиженіе великорусской грусти пополамъ съ улыбкой трагизма, въ почти комической наивности. Купринъ не такъ силенъ, остръ и тонокъ, какъ Сервантесъ, но, если бы надо было написать русскаго Донъ-Кихота, эту задачу слѣдовало бы взять на себя именно ему, по родству духа. И какого бы

Россинанта написалъ этотъ великій знатокъ и другъ міра животныхъ, который разсказываетъ намъ о душѣ лошади, собаки, пѣтуха и съ такою живостью и ясностью, словно онъ самъ когда то былъ ими въ метампсихозѣ.

Во главѣ тургеневскаго теченія надо, по праву, поставить Бориса Константиновича Зайцева, одного изъ лучшихъ эпигоновъ Чеховской школы, мягкаго, нѣжнаго художника-акварелиста. Въ романѣ „Золотой Узоръ“ и въ повѣсти „Странное Путешествіе“ Зайцевъ умѣлъ даже ужасы революціи изобразить въ какой-то снисходительной красивости. „Золотой Узоръ“ имѣлъ смѣлую задачу истинно тургеневскаго плана.

Предшествовавшіе войнѣ и революціи, русскіе годы были, въ русской интеллигенціи, втравлены оргіей декадентской (подъ множествомъ групповыхъ названій) распущенности. Въ чаду ея значительно закоптился и поблекъ ликъ руской женщины „изъ общества“. Какъ будто исчезли куда-то въ невѣдомость и пушкинская Татьяна, и тургеневскія Лиза, Елена, и толстовскія Наташа и Китти, а на мѣсто ихъ царственно водворились всевозможныя, съ позволенія сказать, „халды“ эротоманіи, алкоголизма и наркотизма. Б. Зайцевъ задался цѣлью и достигъ ея — доказать, что, вопреки грѣ-

ховной грязи, которую имъ суждено было переплыть, Татьяна, Лиза, Елена, Наташа, Китти, не захлебнулись ею, но, глотнувъ немного, выплюнули что въ ротъ попало, и, къ счастію общества, уцѣлѣли. Въ испытаніяхъ войны и революціи, онѣ кровью, слезами и трудовымъ потомъ смыли съ себя налипшую грязь праздныхъ пороковъ и, воскреснувъ духомъ, по прежнему, являются главнымъ активнымъ началомъ и волевымъ двигателемъ русской національной общественности.

Въ послѣдніе годы мысль и творчество Б. Зайцева пріобрѣли мистическій уклонъ. Плодомъ его явилось „Житіе Святого Сергія“: лучшее произведеніе писателя, проникнутое теплою всечеловѣчностью, но, въ то же время, истинно національное, русское по духу. Свое паломничество на Аѳонъ Б. Зайцевъ отразилъ въ умилительной, пожалуй, даже слишкомъ елейной книжкѣ, напоминающей по тону старинныя „хожденія“ — однако, не древнихъ паломниковъ, а такъ, лѣтъ сто тому назадъ.

Зайцеву смежень новеллистъ Илья Сургучевъ, болѣе извѣстный, какъ драматургъ (авторъ „Осеннихъ скрипокъ“). Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Зайцева стоятъ молодые, возникшіе и развившіеся уже въ эмиграціи, Николай Рощинъ и Владиміръ Сиринъ. Подъ послѣднимъ

псевдонимомъ сталъ извѣстенъ сынъ публициста и политическаго дѣятеля, конституціоналиста - демократа В. Д. Набокова, убитаго въ 1922 году шальною пулею сумасшедшаго Шабельскаго.

Сиринъ, въ разсказахъ и стихахъ своихъ мечтательный эстетъ и лирикъ съ уклонами въ фантастическій импрессіонизмъ, обѣщаетъ выработаться въ очень значительную величину. Онъ хорошей школы. Въ первомъ своемъ романѣ „Машенька" онъ подражательно колебался между Б. Зайцевымъ и И. А. Буниным, успѣвъ, однако, показать уже и свое собственное лицо съ „не общимъ выраженьемъ". Второй романъ Сирина „Король, дама, валетъ" — произведеніе большой силы: умное, талантливое, художественно психологическое, — продуманная и прочувствованная вещь. Такъ какъ ея дѣйствующія лица и вся обстановка — не русскія (область наблюденія автора — среда богатой нѣмецкой буржуазіи въ Берлинѣ: если бы не типически русское письмо В. Сирина, то романъ можно было бы принять за переводный), то ему надо отвести мѣсто, и очень почетное, въ томъ разрядѣ зарубежной литературы, который я обобщу (хотя будетъ и не точно) названіемъ „экзотическаго". Подробнѣе поговорю о немъ ниже.

6.

Четыре причины „нео-тургенизма". Экзотическая беллетристика. Фантасты. Ростъ большого романа. Вспоминатели.

Чѣмъ объясняется замѣтное предпочтеніе Зарубежьемъ сравнительно спокойной „объективной" линіи Тургенева зигзагамъ и извилинамъ бурной линіи Достоевскаго? Казалось бы, въ интеллигенціи, столько страдающей, какъ наша, должно было бы быть, какъ разъ наоборотъ?

Однако, главною причиною является, повидимому, именно наша переутомленность ужасными переживаніями. Потребовалась успокоительная реакція духа въ сторону оптимистическихъ исканій. Вѣдь, всѣ мы насмотрѣлись и натерпѣлись такого, что, безъ искры самоохранительнаго оптимизма въ душѣ, всѣ подлежали бы соблазну покончить съ собой самоубійствомъ. Однако, оно, хотя и часто, слишкомъ часто въ эмигрантской средѣ, все же, не эпидемично. Живемъ и жить хотимъ.

Накопленіе ужасныхъ впечатлѣній изливалось, изливается и, конечно, еще будетъ изливаться тысячами разсказовъ, мемуарныхъ по содержанію, субъективно - импрессіонистскихъ по изложенію. Въ нихъ очень

часто едва грамотный авторъ побѣждаетъ первоклассного литератора, потому что видѣлъ больше и терпѣлъ горше: сила матеріала отвѣчаетъ сама за себя, не требуя искусства. „26 тюремъ и побѣгъ“ Безсонова и „Тамъ, гдѣ еще бьются“ атамановъ Дергача, Кречета, Морова и другихъ командировъ БРП — не литературныя произведенія, но, читая ихъ, переживаешь эмоціи, какихъ не въ состояніи дать никакое словесное художество. Въ комъ изъ насъ слабѣетъ ненависть къ большевикамъ, въ комъ зарождается уступчивость соблазнамъ соглашательства, — пусть прочтетъ сборникъ „Тамъ, гдѣ еще бьются“. Если нѣкоторыя страницы не воскресятъ въ немъ жажды борьбы и не напомнятъ ему о „кладѣ послѣднемъ, третьемъ кладѣ“ невинно губимыхъ, о „святой мести“, то, значитъ, пропащій онъ для русскаго дѣла человѣкъ, ушло изъ его души русское начало, и заживо миръ праху его!

Однако, подобныя мгновенныя фотографіи съ ихъ натурализмомъ, даже не психофизіологическимъ, но прямо таки патологическимъ, физіологическимъ и анатомическимъ, уже начинаютъ отходить за границы литературы съ тѣмъ, чтобы когда нибудь послужить богатымъ фактическимъ матеріаломъ для историковъ нашей печальной эпохи и

для казуистики психіатрическихъ трудовъ. И публика, и литература запросили передышки отъ человѣческаго крошева на поляхъ сраженій, отъ перевязочнаго пункта, застѣночныхъ пытокъ и бойла, отъ общей покойницкой ямы для разстрѣлянныхъ, отъ тюрьмы, дома сумасшедшихъ, „чубаровщины“ и т. д. Любопытно отмѣтить, что тоже самое наблюдается сейчасъ и въ подсовѣтчинѣ. Еще въ прошломъ году на бѣлградскомъ съѣздѣ писателей Б. Зайцевъ доложилъ, что, по его свѣдѣніямъ изъ Москвы, Тургеневъ опять сдѣлался наиболѣе читаемымъ и требуемымъ въ библіотекахъ классикомъ, и что поворотъ назадъ, къ Тургеневу, ясно обозначается въ молодой подсовѣтской литературѣ, вопреки проклятіямъ и доносамъ, которыми за то сыплетъ подсовѣтская журналистика.

Вторая причина зарубежнаго „неотургенизма“ — поразительное разнообразіе новыхъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ русскими писателями въ ихъ разсѣяніи по земному шару. Въ какихъ бы то ни было тяжкихъ обстоятельствахъ, не можетъ художникъ видѣть, безъ потребности отразить видѣнное въ словѣ. Великій наблюдатель и психологъ, Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ, прежде чѣмъ обосноваться во Франціи, исколесилъ чуть ли не весь подлунный міръ. Ясно, что въ его душу долж-

ны были глубоко впиться и впились безчисленныя впечатлѣнія „чужихъ небесъ“, порождая ту экзотическую часть его разносторонняго творчества, которою наша зарубежная литература въ правѣ гордиться, какъ, въ полномъ смыслѣ слова, плотью отъ плоти и костью отъ костей своихъ: „Господинъ изъ Санъ-Франциско“, „Сны Чанга“, „На водахъ“ и т. д. Описательный характеръ, непремѣнно присущій этому роду литературы, неизбѣжно вноситъ въ нихъ элементы того наблюдательнаго спокойствія, которому обучалъ насъ личный врагъ Тургенева, но литературный его сподвижникъ, Гончаровъ. Это литература „Фрегата Паллады“, перестроеннаго сообразно требованіямъ и успѣхамъ новѣйшей культуры.

Въ результатѣ ея возникновенія, мы получили множество не только разсказовъ и стиховъ, но и цѣлыхъ романовъ съ русскими героями на театрахъ дѣйствія въ Китаѣ, Абиссиніи, Южной Америкѣ, на Конго, даже въ Центральной Африкѣ. Среди авторовъ отмѣчу Ренникова (болѣе, впрочемъ, извѣстнаго своими остроумными „маленькими фельетонами“) и, — къ сожалѣнію. — долженъ отмѣтить Деренталя, сыгравшаго такую гнусную роль въ дѣлѣ покойнаго Бориса Савинкова. Его экзотическіе романы, повѣсти и разсказы увлекательны по фабулѣ и бле-

стящи по языку. Этотъ человѣкъ могъ бы быть русскимъ Стивенсономъ. Почему онъ предпочелъ сдѣлаться совѣтскимъ прохвостомъ, „темна вода во облацѣхъ небесныхъ".

Европейское отдѣленіе этой литературы представлено, по преимуществу, мастерами эскизовъ. Для Франціи — И. Сургучевъ, Тэффи, Рощинъ. Для Италіи — П. А. Муратовъ и М. А. Осоргинъ. Для Германіи — В. Сиринъ, возвысившійся въ „Королѣ, дамѣ, валетѣ" до глубины и типической изобразительности, удивительныхъ для автора, который самъ не нѣмецъ. О, какъ знаетъ Сиринъ нѣмецкаго бюргера и его женщину! Въ этомъ романѣ онъ отнюдь не нѣжный, сумеречный лирикъ полу-фантастическаго настроенія, какъ въ разсказахъ и стихахъ, а, напротивъ, рѣзкій, иногда даже жесткій натуралистъ не германской, а французской школы, — я сказалъ бы, до „золаизма" включительно. Три характера, — основные въ романѣ, — выдержаны превосходно (въ особенности, „король" — мужъ), а живопись дѣйствительно жива.

Описательная часть романа очень сильна, что опять таки напоминаетъ Золя въ картинахъ Парижа, но Берлинъ Сирина уже проведенъ черезъ обработку футуризма. Поэтому Сиринъ большой мастеръ пере-

давать самое трудное для слова: впечатлѣнія быстраго движенія, мельканія и т. д.

Кажется, никогда еще въ литературѣ не было такого мѣткаго изображенія близорукости: воспріятія плохимъ зрѣніемъ внѣшняго міра и отраженій этого недостатка на мірѣ духовномъ. Сцены близорукаго героя въ вагонѣ курьерскаго поѣзда, пожалуй, лучшія въ романѣ.

Если Сиринъ лишь одною ногою стоитъ въ области фантастики съ философскимъ оттѣнкомъ, то сынъ мой, Владимиръ Кадашевъ (утвердившійся за нимъ псевдонимъ) обосновался въ ней очень прочно и убѣжденно („Фрачникъ съ хвостомъ", „Зумъ-Зумъ" и пр.) Сильное воображеніе, напитанное Гофманомъ, Эдгаромъ По, Стивенсономъ.

Манера и языкъ предъ военнаго импрессіонизма, съ замѣтнымъ вліяніемъ Андрея Бѣлаго. — Фантастику безъ философіи, просто ради занимательности для охотниковъ до оккультныхъ чудесъ и страховъ, усердно насаждала покойная Крыжановская. Къ ней въ „Чернокнижникѣ" примыкаетъ Минцловъ.

Третья причина нео-тургенизма, можетъ быть, покажется слушателямъ странною и парадоксальною, однако, я на ней настаиваю. Это — слабость и бѣдность русскаго журнализма въ эмиграціи, а отсюда и почти совершенное уничтоженіе ма-

теріальной связи между нимъ и беллетристикой.

Передъ войною и революціей колоссальное размноженіе въ Россіи ежедневной и еженедѣльной печати давало легкій и быстрый сбытъ каждому коротенькому наброску, подписанному громкимъ именемъ. Поэтому мелкое литературное производство главенствовало надъ крупнымъ и тормозило ходъ широкихъ замысловъ, которыя, осуществленіе требуетъ долгаго времени и сосредоточеннаго труда. Журналистика эмиграціи количественно ничтожна. Ея спросъ на мелкую беллетристику до того превышенъ предложеніемъ, что промыселъ „новеллиста" потерялъ всякую выгодность. Поэтому болѣе или менѣе крупныя силы его покинули, что освободило для нихъ досугъ обратиться къ большимъ планамъ, издавна лелѣяннымъ ими, но не успѣвавшими вызрѣть для выхода въ свѣтъ, по оттѣсненію спѣхомъ мелкой работы.

Романистъ Иванъ Наживинъ напечаталъ недавно признаніе, что, въ сущности, изгнаніе послужило на пользу его литературной производительности, такъ какъ раньше онъ, за всю свою писательскую жизнь, сочинилъ всего восемь романовъ, а теперь, за какія нибудь семь-восемь лѣтъ, двадцать пять! Общій фактъ усиленнаго производства большихъ романовъ распространяется и на пер-

воклассныхъ писателей. Почти всѣ они, за время эмиграціи, или написали новые романы или докончили и обработали прерванные революціей. Нашъ старѣйшина, 85-лѣтній Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко, за пять лѣтъ пребыванія въ Прагѣ, приготовилъ къ печати 12 большихъ томовъ! Евгеній Николаевичъ Чириковъ тамъ же выпускаетъ едва-ли не каждый годъ по роману. Что работа надъ романомъ, если онъ не пишется на спѣхъ для „бульвара", дѣло вдумчивое и, не только по доброй волѣ автора, но и механически, влечетъ его къ внимательному логическому построенію и детальной художественной отдѣлкѣ, извѣстно, я полагаю, каждому писателю. И отсюда — воскресеніе Тургенева, какъ вѣчнаго образца и учителя литературной стройности,— „нео-тургенизмъ".

Четвертая причина отчасти возвращаетъ насъ къ первой. Эмиграція нуждается въ красивыхъ воспоминаніяхъ и живетъ въ непрестанной оглядкѣ назадъ, на лучшее прошлое. Знаменитый стихъ Данте — „Nessun maggior dolore che ricordarsi del tempo felece nella miseria" — надъ нею не властенъ. Поэтому значительная часть эмигрантской литературы укладывается во вздохи по разрушенной русской культурѣ („Петербургъ" С. Горнаго) и въ меморіальное усердіе уберечь, если не въ бытѣ, то въ

памяти, ея остатки и традиціи (помѣщичій бытъ у Бунина, московскій купеческій бытъ у Шмелева). А другая, не менѣе значительная, часть старается изыскивать и изъяснять причины, почему столь могущественная и многосодержательная культура уступила такъ легко разрушительному натиску дикарей, объявившихъ ее ненужною.

7.

Историческая беллетристика. Д. С. Мережковскій. М. А. Алдановъ. А. М. Ремизовъ. Л. Зуровъ. Юмористы.

Отсюда — устремленіе эмигрантской литературы въ области исторической беллетристики. Наиболѣе вѣскіе труды въ ней принадлежатъ старому корифею историческаго романа, Дмитрію Сергѣевичу Мережковскому, расширившему свою знаменитую трилогію „Христосъ и Антихристъ" еще двумя томами: „Рожденіе боговъ" и „Мессія". Ихъ, однако, надо поставить отдѣльно отъ общаго движенія новой исторической беллетристики, такъ какъ авторъ углубляется ими въ древнѣйшія эпохи Критской и Египетской культуры и преслѣдуетъ цѣли не только философскія, но, пожалуй, даже теологическія. Рядъ романовъ изъ русской исторіи написанъ Красновымъ, Лукашемъ, Минцловымъ, Первухинымъ, Наживинымъ и др.

Вниманіе авторовъ, пережившихъ грозные годы Великой войны и русской революціи, естественно привлекаютъ въ прошломъ, по преимуществу, аналогичныя эпохи: бунты Стеньки Разина, Емельки Пугачева, и русскій патріотическій подъемъ въ Отечественную войну 1812 года. Къ области историческаго романа надо отнести и послѣднюю работу Мережковскаго „Наполеонъ".

Наиболѣе замѣчательнымъ явленіемъ эмигрантской исторической беллетристики была тетралогія Марка Александровича Алданова „Мыслитель": „Девятое Термидора", „Чертовъ Мостъ", „Заговоръ", „Святая Елена — маленькій островъ". Она охватываетъ тридцатилѣтній періодъ отъ паденія Робеспьера — черезъ Итальянскую и Швейцарскую кампанію Суворова — черезъ убіеніе императора Павла — до смерти Наполеона, минуя, впрочемъ, весь срокъ Первой Имперіи. Капитальный трудъ Алданова представляетъ собою высокую цѣнность, какъ историческую и литературную, такъ отчасти и публицистическую. Въ зеркалѣ Французской революціи читатель невольно ищетъ параллелей къ событіямъ и лицамъ современныхъ намъ революцій, и авторъ тоже невольно намъ ихъ выясняетъ.

Талантливый и блестяще образованный Алдановъ — типическій западникъ, весь отъ корня скептиче-

ской вольтеріанской школы, отъ Эрнеста Ренана, Анатоля Франса. Глубокій пессимистъ, при всякомъ удобномъ случаѣ ссылающійся на безотрадную философію Экклезіаста. Художественное достоинство его романовъ неровно, но очень часто поднимается на высоту первокласснаго мастерства, особенно въ сильныхъ драматическихъ сценахъ, съ возбужденнымъ движеніемъ массъ: паденіе Робеспьера, переходъ Суворовымъ Чертова моста, убійство Павла I, предсмертный бредъ Наполеона. Сцены и фигуры европейской исторіи, обыкновенно, удаются Алданову лучше, чѣмъ русскія. Онъ превосходный мастеръ исторической характеристики, его портретная живопись, въ самомъ дѣлѣ живетъ.

Это свое завидное качество Алданов обнаруживаетъ и какъ наблюдатель современной намъ политической исторіи въ блестящей книгѣ „Современники" рядомъ характеристикъ Ллойдъ-Джорджа, Черчилля, Клемансо и др. Если мы отмѣтимъ, что въ современномъ политическомъ мірѣ симпатіи Алданова влекутся къ Клемансо, а въ исторіи къ Наполеону, то получимъ достаточно опредѣленную характеристику и самого Алданова — мыслителя скептика, который слыветъ и, кажется, самъ себя считаетъ соціалистомъ, хотя влюбляется исключительно въ диктато-

ріальныя „сверхчеловѣческія“ фигуры.

Группѣ историческихъ беллетристовъ естественно быть смежною съ группою многочисленныхъ сейчасъ старателей о сохраненіи въ чистотѣ и правильности русскаго языка, сильно страдающаго въ эмиграціи отъ подчиненія мѣстнымъ идіомамъ. Юное поколѣніе эмиграціи, подъ вліяніемъ чужеземной школы, газеты, театра, товарищества, очень дурно говоритъ по русски и даже вовсе забываетъ родной языкъ. Предсказаніе не изъ благопріятныхъ для поправки главнаго недостатка нашей зарубежной литературы, о которомъ я говорилъ въ началѣ: малочисленности въ ней молодыхъ силъ. Стражами русскаго языка выступаютъ сейчасъ въ эмиграціи, главнымъ образомъ, князья Александръ и Сергѣй Михайловичи Волконскіе, а также обширная группа фольклористовъ и „стилизаторовъ“.

Послѣднихъ возглавляетъ Алексѣй Михайловичъ Ремизовъ. Чрезвычайно талантливый и часто захватывающе увлекательный беллетристъ-мистикъ, превосходный знатокъ русскаго фольклора и стариннаго книжнаго краснословія и словоизвитія, Ремизовъ, однако, для русскаго языка — стражъ довольно двусмысленный, такъ какъ самъ одержимъ капризною страстью къ его переработкѣ въ ложно архаическую „стырь“.

Такъ что одною рукою онъ оберегаетъ, а другою, пожалуй, портитъ. Но онъ талантливъ, остроуменъ и, при отличномъ знаніи имъ языка, изобрѣтаемые имъ словечки и обороты, иногда бываютъ забавны и интересны. Однако, въ общемъ, утомляютъ вниманіе, какъ долгое праздное упражненіе въ словесномъ „обезьянствѣ“ (опредѣленіе самого А. М. Ремизова).

Когда Ремизовъ не кривляется „обезьяньимъ королемъ“, онъ очень хорошъ и силенъ, способенъ растрогать и умилить, но рѣдко балуетъ онъ этимъ читателей. Выйдя изъ школы Лѣскова, онъ влюбился, какъ разъ въ опаснѣйшую сторону таланта этого замѣчательнаго писателя, въ предумышленно виртуозную игру словами, и довелъ ее до крайности, иногда до превращенія въ каррикатуру на русскій языкъ. Подражатели Ремизова, не обладая ни его талантомъ, ни его знаніемъ языка, ни его архаическою начитанностью, портятъ русскую рѣчь уже обѣими руками.

Недавно на скудномъ полѣ „стилизаціи“ поднялось новое растеньице, — въ видѣ исключенія, очень привлекательное, пока что, а какъ оно разовьется и зацвѣтетъ, и какой плодъ дастъ, поживемъ, увидимъ. Это — молодой Леонидъ Зуровъ съ „Отчиной“ и рядомъ историческихъ разсказовъ. Но онъ уче-

никъ не Ремизова, а Бунина, и бунинская печать на немъ вклеймлена ярко и глубоко. И „стилизуетъ“ онъ въ бунинской простотѣ, а не въ ремизовскомъ ухищреніи. „Отчина“ (повѣсть о древнемъ Псковѣ и осадѣ его Стефаномъ Баторіемъ) превосходная эпопея въ прозѣ, полная силы, чувства и вкуса въ выборѣ словесныхъ средствъ. Но, все же, истинная привлекательность Зурова не въ искусной „стилизаціи“, а въ рѣдкой свѣжести и искренности дарованія, радостно чувствующаго жизнь и отзывчиво откликающагося ей бодрымъ юношескимъ лиризмомъ и духа, и языка. Много нашумѣвшій (по рекомендаціи Бунина) „Кадетъ“ Л. Зурова (защита военно-учащеюся молодежью Ярославля противъ большевиковъ въ 1918 г.) дѣйствительно — почти безусловно — прекрасная вещь. Ее, вмѣстѣ съ „Королемъ, дамою и валетомъ“ В. Сирина, эмиграція смѣло можетъ выставить на показъ, въ отвѣтъ на попреки неимѣніемъ литературной молодежи.

Преждевременная смерть Аркадія Тимофеевича Аверченко выбила самую значительную силу изъ рядовъ русской зарубежной юмористики, и безъ того не весьма многолюдныхъ. Вѣчно юная, умно улыбливая Тэффи, яркіе фельетонисты-сатирики Александръ Александровичъ Яблоновскій и Ренниковъ, неистощимый и неуто-

мимый юмористъ-стихотворецъ Lolo (Мунштейнъ),—вотъ и конченъ счетъ, потому что Саша Черный, съ годами, отошелъ отъ юмористики, въ которой, по справедливости царилъ въ послѣдніе годы передъ войною, къ литературѣ для дѣтей и чистому лиризму.

8.

К. Д. Бальмонтъ и И. А. Бунинъ.

Когда проходишь предгорья, вступаешь въ горы, когда поднимаешься на горы, достигаешь вершинъ.

Такъ и я, совершая свое странствіе по высотамъ русской зарубежной литературы, прихожу, наконецъ, къ двумъ ея вершинамъ, именамъ которыхъ, вѣроятно, суждено обозначить исторически нынѣшній ея періодъ. Имена эти — для поэзіи стиха — Константинъ Дмитріевичъ Бальмонтъ, для поэзіи прозы — Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ.

Вотъ уже около сорока лѣтъ Бальмонтъ царитъ въ русской поэзіи, время отъ времени переживая направленныя противъ него поэтическія революціи; однако, ни одной изъ нихъ не удалось лишить его трона, который онъ самъ нѣкогда занялъ революціоннымъ порядкомъ, какъ кипучій и страстный поэтъ декаданса. Времена эти остались далеко позади. Бальмонтъ прошелъ длинную и сложную эволюцію чуткаго импрессіониста, отзывчиваго

вѣяніямъ, какъ русской, такъ иностранной мысли, — философской, эстетической, соціальной, политической, — подобно воспріимчивой мембранѣ. Это едва ли не самый образованный человѣкъ въ русской художественной литературѣ и полиглотъ, какихъ мало во всѣхъ литературахъ.

Казалось бы, познавательная ненасытность Бальмонта къ книгамъ, къ людямъ, къ новымъ странамъ, должна была направить его къ эклектизму. Но его спасъ огромный субъективный талантъ, въ соединеніи съ крайне субъективнымъ же характеромъ. Неутомимый всемірный путешественникъ, жадный охотникъ за новыми мыслями и впечатлѣніями, онъ, однако, никогда не подчиняется впитанной мысли или полученному впечатлѣнію, но ихъ себѣ подчиняетъ. Повѣряетъ ихъ близость его собственному духу и, убѣдясь въ ней, претворяетъ ихъ въ новыя идеи, облекаетъ въ новыя неожиданныя формы.

Подобно Куприну, котораго Бальмонтъ обожаетъ, объявляя самымъ русскимъ изъ всѣхъ современныхъ русскихъ писателей, онъ — пантеистъ, солнцепоклонникъ. „Золотой Пѣтухъ“ Куприна откликнулся пламеннымъ восторгомъ въ душѣ поэта, въ юности освятившаго свое творчество стихомъ:

„Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце", а въ старости не устающаго твердить: „Вседневность Солнца моя твердыня... Я сгустокъ Свѣта. Я слитокъ Солнца. Моя твердыня во мнѣ крѣпка".

Я на своемъ вѣку зналъ лично очень много поэтовъ, но единственнаго Бальмонта, который всегда мыслитъ безстрашно поэтически (и не умѣетъ мыслить иначе) и, какъ мыслитъ, такъ говоритъ, какъ говоритъ, такъ дѣйствуетъ.

Арестованный большевицкимъ ЧК, онъ, на вопросъ о политическихъ убѣжденіяхъ, коротко отвѣтилъ: „Поэтъ". И это дѣйствительно самая полная его характеристика.

Поэтъ-философъ свѣтлой радости и любви къ человѣчеству, дышащій одною жизнью съ солнечнымъ міромъ, полный черезъ край яркими образами, изливающій ихъ, съ величайшею легкостью и неистощимымъ постоянствомъ, звучными стихами. Собственно говоря, Бальмонтъ не прерывный импровизаторъ. На высотахъ утонченной культуры онъ, чудомъ, сохранилъ дивный даръ, которымъ поражаютъ насъ рапсоды, волхвующіе лирики, жрецы и колдуны-ясновидцы первобытныхъ народовъ. Если бы „L'Ingénu" Вольтера сдѣлался поэтомъ, онъ писалъ бы, какъ Бальмонтъ.

Несравненно богатый интернаціоналистъ впечатлѣній, космополитъ

съ нѣжности ко всему міру, гдѣ свѣтитъ Солнце, Бальмонтъ, однако, — какъ всякій истинный поэтъ! — глубокій и страстный патріотъ-націоналистъ по пламенной любви къ Россіи, по своей тоскѣ въ разлукѣ съ нею, по острому чутью ея несчастій, по жаркой ненависти къ ея угнетателямъ, по жадному упованію и ожиданію ея воскресенія.

Прислалъ мнѣ и женѣ моей свою книгу „Гдѣ мой домъ?“ — онъ знаменательно надписалъ на ней: „Русскимъ-русскимъ отъ русскаго-русскаго К. Бальмонта“.. Сейчасъ онъ окунулся въ стихію славянскаго міра привольно въ ней купается. Едвали кто другой сдѣлалъ столько для ознакомленія русскихъ съ поэтическою мыслью братьевъ-славянъ. Онъ — какъ бы живое олицетвореніе идеи, что русскій геній есть всеславянскій геній.

Жребій всемірнаго путешественника выпалъ и Ивану Алексѣевичу Бунину, королю нашей современной художественной прозы. Великою надеждою русской литературы Буниъ былъ съ перваго появленія въ ней тридцать лѣтъ тому назадъ. Въ своемъ предсмертномъ письмѣ ко мнѣ Антонъ Чеховъ указывалъ въ Бунинѣ своего преемника (за „Черноземъ“). Академія поспѣшила раскрыть предъ Буниным свои двери задолго до всякихъ юбилейныхъ сроковъ, помнится, на пятнадцатомъ

году его дѣятельности. Словомъ, признаніе Бунина литературнымъ свѣтиломъ дѣло давнее, дореволюціонное и довоенное.

Но только въ эмиграціи геній Бунина явилъ намъ всю свою мощь и многогранность, весь свой блескъ и безпредѣльно широкій охватъ. Молодой Бунинъ вышелъ изъ русла Тургенева, но оно уже давно стало тѣсно. Его стихія шире, сильнѣе и, такъ сказать, тѣлеснѣе тургеневской. Все расширяясь, потокъ Бунина вторично образуетъ на теченіи русской литературы таинственное озеро, подобное тому, какимъ разливалось художество Льва Толстого.

Современный Бунинъ — какъ бы синтезъ русской литературной мысли, по крайней мѣрѣ, за три четверти вѣка. Спокойный, мудрый, чудотворно разнообразный, онъ весь и всегда свой, никогда никому не подражаетъ, а, между тѣмъ, въ немъ, какъ лучи въ общемъ фокусѣ, сошлись и слились всѣ. Изучать Бунина въ зарубежномъ періодѣ значитъ видѣть предъ собою всѣ положительныя стороны русской художественной прозы, начиная чуть не съ Пушкина, потому что даже волшебная тайна пушкинскаго лаконизма усвоена и использована имъ съ чутьемъ и мастерствомъ, какія рѣдко кому давались изъ послѣдователей поэта. Бальмонтъ когда-то, въ дни пылкой юности, обмолвился

гордымъ стихомъ: „Предо мной всѣ другіе поэты — предтечи". Бунинъ, съ полнымъ правомъ, могъ бы сказать то же самое о всѣхъ нашихъ значительныхъ прозаикахъ. Всѣ они его учители и всѣ догнаны или превзойдены имъ въ какомъ нибудь изъ оригинальныхъ опытовъ, которыми онъ такъ несмѣтно богатъ.

Пушкина звали Протеемъ за необыкновенную способность отвѣчать каждой, освѣтившей его, идеѣ точною формою. Въ Буниѣ мы имѣемъ подобнаго же Протея. Въ своихъ чудотворныхъ преображеніяхъ онъ иногда представляется мнѣ какимъ-то колдуномъ, который, по пословицѣ, не только видитъ каждаго человѣка насквозь, но и землю подъ нимъ на три аршина. Такая прозорливость не всѣмъ пріятна, и колдуновъ за нее больше уважаютъ и боятся, чѣмъ любятъ. Бунину это знакомо. Семнадцать лѣтъ тому назадъ онъ былъ почти проклятъ русской интеллигенціей за пессимистическое сужденіе о русскомъ крестьянинѣ въ мрачной книгѣ „Деревня". Однако, большевицкая революція оправдала угрюмыя пророчества Бунина отъ слова до слова, съ тою же страшною и горестною точностью, какъ оправдались апокалиптическіе „Бѣсы" Достоевскаго, тоже возмутительные для современной имъ интеллигенціи и еще долго потомъ.

И сейчасъ Бунинъ иногда подвергается нападкамъ, какъ писатель, мало вниманія удѣляющій интересамъ современности: годамъ войны и революціи, эмигрантскому быту, вообще соціально - политическому дню.

Нападки эти несправедливы фактически, потому что изъ подъ пера Бунина вышелъ грозный дневникъ „Окаянныхъ Дней" — неизгладимое клеймо „на много лицъ безстыдно блѣдныхъ, на много лбовъ широко-мѣдныхъ"; а каждое публичное выступленіе писателя какъ оратора, гремитъ анаѳемой злодѣямъ Россіи: большевикамъ и ихъ угодникамъ-соглашателямъ.

Несправедливы и принципіально. Было бы истинно прискорбно, если-бы Бунинъ часто отрывался отъ своего художественнаго труда для полемической публицистики и соціально-политическихъ проповѣдей, какъ бы прекрасны ни были ихъ цѣли.

Да не повторится горькая ошибка Льва Толстого! Бунинъ тоже философъ, но знаетъ и твердо вѣруетъ, что философія художника должна говорить съ массами средствами его искусства, а не отреченіемъ отъ нихъ для проповѣднической схематизаціи, съ навязчивымъ дидактизмомъ.

За время эмиграціи, Бунинъ напечаталъ „Господина изъ Санъ-Фран-

циско", „Митину Любовь", „Цикады," „Иду", „Дѣло корнета Елагина", нѣсколько сборниковъ мелкихъ разсказовъ и стиховъ. Ни одно изъ этихъ произведеній не касается текущей современности, однако, каждое принималось съ такимъ страстнымъ вниманіемъ, словно авторъ предлагалъ публикѣ острѣйшіе памфлеты на злобу дня.

И такъ не только въ нашей русской средѣ, но и всюду, гдѣ узнали Бунина въ переводахъ. Причина тому именно въ волнующихъ философскихъ проникновеніяхъ бунинскаго словеснаго художества. Онъ предназначенъ въ семъ мірѣ угадывать во временномъ вѣчное, въ случайномъ непремѣнное, въ будничномъ и пустяковомъ постоянный, желѣзный психологическій законъ. Философія его пессимистична, родственна Экклезіасту и восточнымъ мудрецамъ-фаталистамъ, но одѣта въ такое разнообразіе наблюдательной красочности, что первымъ и долгимъ впечатлѣніемъ по чтеніи Бунина всегда бываетъ пышное торжество жизни. Размышленія о „великой грусти" автора—наблюдателя и мыслителя — приходятъ потомъ.

Нѣкоторые находятъ творчество Бунина холоднымъ. Это все равно, что жаловаться на холодъ мрамора, изъ котораго высѣчена „Ночь" Микель Анджело, или бронзы, изъ которой отлитъ „Персей" Бенвенуто

Челлини. За холодъ принимаетъ увѣренное спокойствіе творца-олим пійца, знающаго судьбы созерца маго имъ міра, привычная сдержан ность взрослаго человѣка-мудреца наблюдающаго пестрыя страсти и порывы людишекъ-дѣтей. Въ этомъ отношеніи, равно какъ разнообра зіемъ творчества, Бунинъ напомина етъ Гете. Правда, онъ еще не на писалъ намъ русскаго „Фауста", но очень возможно, что мы получимъ его въ громадной національной эпо пеѣ „Жизнь Арсеньева", которую теперь Бунинъ медленно пишетъ и печатаетъ. Каждая глава широчай ше планированнаго, отчасти, какъ будто, автобіографическаго, романа будитъ нетерпѣливое ожиданіе даль нѣйшаго развитія этого, глубоко взятаго, синтетическаго подхода къ русской душѣ.

Можетъ быть, Бунину дано будетъ договорить о ней то, чего не успѣли сказать Толстой, Достоевскій и Чеховъ, и уяснить наконецъ Западу загадку, что такое, вѣчно приводящая его въ недоумѣніе „рус вянская душа."

Если я прибавлю, что никто еще никто въ русской литературѣ не доводилъ языка до такого богатства, силы и смѣлости, какъ авторъ „Іоанна Рыдальца," „Святителя" и т. п., никто не возносилъ его красоту до такой чарующей музыкальности, какъ авторъ „Цикадъ,"

„Иды", „Митиной любви," „Жизни Арсеньева" и т. п.,—то [illegible] вершу мой бѣгло набросанный [illegible] третъ значительнѣйшаго [illegible] шихъ писателей, и — подъ [illegible] лѣніемъ его грандіозной [illegible] позвольте мнѣ оставить и [illegible] ключая эту лекцію.